

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Статья Б. Козьмина

1

Имя Некрасова значительно более, чем кого-либо другого из великих русских поэтов прошлого, связано с русской революцией. В истории нашего освободительного движения Некрасову должно быть отведено видное и почетное место. Его право на это неоспоримо и неотъемлемо. И как поэт, и как редактор наиболее передовых журналов своей эпохи Некрасов сделал для пропаганды идей революции неизмеримо больше, чем многие из профессионалов-пропагандистов.

Поэзия Некрасова — явление громадного исторического значения. Признать это были вынуждены даже люди, отнюдь не разделявшие его политических воззрений. Сошлемся хотя бы на свидетельства таких чуждых некрасовской «музе мести и печали» людей, как Ап. Григорьев и анонимный критик «Отечественных Записок» — по всей вероятности, С. С. Дудышкин. «Песни Некрасова сделались, без преувеличения говоря, событиями», — писал в 1862 г. первый из них¹. А другой годом позже признавался: «Стихотворения Некрасова оставят после себя очень видный шаг в развитии наших общественных чувств»².

В этих суждениях нет ни капли преувеличения. В течение десятилетий Некрасов был любимейшим поэтом революционно настроенной молодежи. Напомним, что над его могилой, прерывая речь Ф. М. Достоевского, сравнившего почившего поэта с Пушкиным, присутствующие землевольцы и среди них молодой по возрасту, но уже видный участник революционной борьбы, Г. В. Плеханов, заявили: «Он был выше Пушкина»³.

Поэзия Некрасова зажигала молодежь своей страстной любовью к обездоленному люду и ненавистью к угнетателям и эксплуататорам народа. Стихи Некрасова учили читателей, что для человека, сознающего свои обязанности по отношению к обществу, существует лишь один достойный его путь — служение народу. Они внушали непреодолимую ненависть к социально-политическому строю, основанному на неравенстве и подавлении свободной человеческой личности. Они призывали порвать с «ликующими и праздно болтающими» и уйти «в стан погибающих за великое дело любви». Такие произведения Некрасова, как «Песня Еремущке», «Железная дорога», поэма «Кому на Руси жить хорошо» и др., производили не меньшее революционизирующее воздействие, чем подпольные прокламации.

Г. В. Плеханов передает интереснейший эпизод, относящийся ко времени пребывания его в последнем классе военной гимназии. «Мы сидели, после обеда, группой в несколько человек, — пишет он, — и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильным впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!». Эти слова, произнесенные украдкой в не-

скольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память. Я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу»⁴.

Можно было бы привести многочисленные свидетельства мемуаристов-революционеров, удостоверяющих громадное влияние, оказанное на них поэзией Некрасова и определившее их будущий жизненный путь. Ограничимся одним достаточно ярким и показательным примером.

Известный народоволец Н. А. Морозов, рассказывая в своих воспоминаниях о массовом движении революционной молодежи 70-х годов «в народ», утверждает, что это движение возникло под влиянием поэзии Некрасова, которой современники Морозова зачитывались в юношескую пору своей жизни. По стихотворениям Некрасова, утверждает Н. А. Морозов, они знакомились с тяжелым положением русского крестьянства и с эксплуатацией, которой население деревни подвергалось со стороны помещиков, кулаков и чиновников. Если тогдашние книги, трактовавшие о социализме, и оказывали сильное влияние на молодых революционеров, то благодаря тому, что «душа молодых поколений уже была подготовлена к ним Некрасовым с ранней юности»⁵.

Конечно, в этом утверждении Н. А. Морозова имеется некоторая доля преувеличения. Он сам оговаривается, что многие его современники, которым он развивал свои мысли о поэзии Некрасова как о «рычаге» движения в народ, оспаривали его. Из признаний революционеров 60-х и 70-х годов прошлого века мы знаем, что сочинения Чернышевского, Добролюбова и Писарева оказывали на них не меньшее влияние, чем поэзия Некрасова. Несомненно, однако, на это, только что приведенное свидетельство Н. А. Морозова крайне интересно и важно. С а м а я в о з м о ж н о с т ь т а к о г о п р е у в е л и ч е н и я имеет большое показательное значение.

Русскому правительству революционная настроенность Некрасова и впечатление, производимое его стихотворениями на читателей, были хорошо известны. Еще в 1848 г. Ф. Булгарин доносил III Отделению: «Некрасов — самый отчаянный коммунист; стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции»⁶. И после Ф. Булгарина осведомители, — как по долгу службы, так и добровольные, — многократно информировали правящие круги об опасности, которую поэзия Некрасова представляла для существовавших тогда порядков.

2

Некрасов вошел в историю русской литературы и русского общества не только как поэт, но и как журналист. Он руководил двумя лучшими, наиболее демократическими журналами своего времени — «Современником» и «Отечественными Записками».

В годы подготовки отмены крепостного права, когда история поставила перед Россией задачу глубоких преобразований, долженствующих изменить весь ее социально-политический строй, «Современник» превратился в орган, открыто отстаивающий интересы замученного тяжелой крепостной неволей русского крестьянства. И если в эти годы, под влиянием крайнего обострения классовой борьбы, в стране сложилась революционная ситуация, то журнал Некрасова сыграл в этом исключительную по важности роль. Руководители русской революционной демократии того времени — Чернышевский и Добролюбов — могли успешно выполнять свое громадное по историческому значению дело также и потому, что они пользовались полным доверием, горячей симпатией и непрестанной поддержкой со стороны Некрасова, разделявшего их политические взгляды

и сочувствовавшего тем целям, которые они перед собою ставили. В эти годы «Современник» поистине являлся идейным штабом русской революции. Не случайно то обстоятельство, что многие виднейшие представители революционного движения тех лет состояли сотрудниками журнала Некрасова. Не говоря уже о таких центральных фигурах революционного

НЕКРАСОВ

Фотография Денъера, 1873 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

лагеря, какими были ближайшие сотрудники «Современника» — Чернышевский и Добролюбов, в этом журнале в те годы участвовали: организатор крупнейшего тайного общества 60-х годов «Земля и Воля» — Н. А. Серно-Соловьевич, член Центрального комитета этого общества Н. Н. Обручев, автор знаменитой прокламации «К молодому поколению» — Н. В. Шелгунов, его друг — М. Л. Михайлов, поплатившийся каторгой и преждевременной смертью за распространение этой прокламации, распространитель другой выдающейся прокламации того времени «Велико-

русс» — В. А. Обручев и один из руководителей студенческого движения 1861 г. в Петербурге — И. А. Пиотровский, а также виднейший польский революционер 60-х годов — Сигизмунд Сераковский. Некрасов мог не иметь подробных и точных сведений о революционно-подпольной работе этих своих сотрудников, однако ему, несомненно, было ясно, что они служат революции не одним лишь пером. Сознал он и то, что они смотрят на свое сотрудничество в «Современнике» как на одно из средств служения тому делу, которому они посвятили все свои силы.

В дневнике Добролюбова мы находим весьма ясное высказывание насчет того, как он смотрел на свою деятельность в качестве журналиста. В 1859 г. не изживший еще своих либеральных иллюзий Герцен, полемицируя с «Современником», допустил на страницах «Колокола» чудовищный по своей несправедливости и необоснованности намек на то, что сотрудники некрасовского журнала играют на-руку реакции. Возмущенный этим выпадом Герцена, Добролюбов занес в свой дневник следующие строки: «Однако хороши наши передовые люди! Успели уже пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли п р и з ы в к р е в о л ю ц и и, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся»⁷. Сказать яснее, какую задачу ставят перед собою руководители «Современника», нельзя. Последовательно, неуклонно и планомерно они вели журнал с таким расчетом, чтобы в максимальной мере способствовать пробуждению в русском обществе революционных мыслей и чувств. И эта задача была блестяще разрешена ими. Ленин отмечал, что Чернышевский умел своими «подцензурными статьями воспитывать настоящих р е в о л ю ц и о н е р о в»⁸. То же самое можно повторить с полным правом и о Добролюбове. Да и другие ведущие сотрудники журнала по мере своих сил помогали разрешению этой задачи. Вот почему революционная молодежь 60-х годов смотрела на «Современник», как на своего идейного руководителя⁹. Точно так же расценивали некрасовский журнал и противники революции из либерального лагеря. Недаром И. С. Тургенев называл Чернышевского и Добролюбова «литературными Робеспьерами». А реакционер М. Н. Катков, ожесточенно травивший Чернышевского и его политических друзей, писал: «Вы не бьете, вы не жжете. Еще бы! Но в пределах вашей возможности вы делаете то, что вполне соответствует этим актам»¹⁰. Понимали это и органы тогдашнего политического розыска. В записке о деятельности Чернышевского, составленной для нужд III Отделения, мы находим замечание, с правильностью и меткостью которого нельзя не согласиться. Имея в виду многочисленные прокламации, появившиеся в России в 1861—1862 гг., автор записки писал: «Прокламации суть как бы вывод из статей Чернышевского, а статьи его — подробный к ним комментарий»¹¹. Эти слова полностью объясняют нам, почему правительство в 1862 г. поставило неотложной задачей во что бы то ни стало изъять Чернышевского из русской литературы и на пути к достижению этой цели, за неимением в своих руках твердых доказательств участия идейного руководителя «Современника» в революционной работе, не остановилось перед подлогами, при помощи которых ему удалось осудить Чернышевского на долговременную каторгу и ссылку.

Лишившись в лице отправленного в Сибирь Чернышевского и преждевременно погибшего Добролюбова своих руководителей и наиболее ярких и талантливых публицистов и критиков, «Современник» не мог не потускнеть. Однако и после этого он не переставал, хотя и без прежней яркости, глубины и последовательности, служить делу борьбы с абсолютизмом и помещичьей властью. Характерно, что среди сотрудников некрасовского журнала в эти годы мы находим члена Центрального комитета «Земли и Воли» А. А. Слепцова и известного эмигранта Льва Мечникова. Имеются указания на то, что с «Современником» был в то время связан и другой

видный эмигрант, бывший член Центрального комитета той же «Земли и Воли», а позднее основатель Русской секции I Интернационала, Н. И. Утин. Конечно, участие этих лиц в «Современнике» не могло бы осуществиться без ведома и согласия Некрасова.

В 1866 г. «Современник» был закрыт правительством. Не прошло и двух лет, как Некрасов принимается за издание другого журнала — «Отечественных Записок». Если этот новый некрасовский журнал и не сыграл в истории русской культуры и общественной мысли такой исключительной роли, как «Современник», то все же «Отечественные Записки», руководимые Некрасовым, по справедливости завоевали себе репутацию лучшего русского журнала своего времени. Как и в «Современнике», в «Отечественных Записках» участвовало немало людей, причастных к революционному движению, во главе с эмигрантом П. Л. Лавровым, являвшимся постоянным сотрудником этого журнала. Идеиная близость между «Отечественными Записками» и революционным движением 70-х годов несомненна. Революционеры находили на страницах этого журнала ответ на большинство волновавших их вопросов. Видный участник освободительного движения тех лет, О. В. Аптекман, в своих воспоминаниях писал: «Целое поколение, поколение 70-х годов, энергичное и боевое, считало «Отечественные Записки» почти что своим органом»¹². Недаром впоследствии, уже через много лет после смерти Некрасова, «Отечественные Записки», подобно «Современнику», были закрыты правительством, и эта карательная мера мотивировалась именно близостью этого журнала к революционному подполью.

И как поэт, и как журналист Некрасов выступал в качестве упорного и непримиримого врага современного ему социально-политического строя России. Прекрасно сознавая это, правительство, тем не менее, не осмелилось наложить свою лапу на Некрасова. Учитывая широкую популярность, которой пользовался Некрасов, и его многочисленные связи с представителями различных слоев русского общества, оно не решилось расправиться с этим своим врагом так бесцеремонно, как оно привыкло расправляться с другими своими противниками, часто гораздо менее опасными, нежели Некрасов. III Отделению хорошо была известна непричастность поэта к а к т и в н о й революционной деятельности. В случае ареста Некрасова правительство рисковало оказаться в чрезвычайно нелепом и компрометирующем его самого положении, так как ни малейших доказательств причастности Некрасова к революции, кроме стихотворений, прошедших через цензуру, у него не было и не могло быть. Правда, можно было поступить с Некрасовым так же, как это было сделано с Н. Г. Чернышевским. Во время его процесса судебные доказательства были подменены лже-свидетельствами и подложными документами, уличающими обвиняемого в «преступлении». Однако такое средство расправы было опасно для самого правительства. К нему можно было прибегнуть один раз, но повторять его было бы рискованно. Опыт с делом Чернышевского показал, что, как ни толсты стены «здания у Цепного моста», как ни молчаливы и надежны сотрудники III Отделения, темные махинации, творившиеся при производстве этого дела, не остались тайной. И в России, и даже за границей стало известно, что Чернышевский был осужден на каторгу только в результате того, что его судьи, всемерно старавшиеся удовлетворить желания царя, сделали вид, что они не замечают сфабрикованных жандармами подлогов.

Вот почему Некрасов, в течение ряда лет работавший рука об руку с Чернышевским и всемерно помогавший ему превратить легальный журнал, бдительно контролируемый цензурой, в орган революции, избежал судьбы вождя революционной демократии 60-х годов.

Усадьба, в которой провел свои детские годы Некрасов, ничем не напоминала хорошо знакомые нам по романам 40-х и 50-х годов прошлого века культурные «дворянские гнезда», в уютных гостиных и изящных будуарах которых разносторонне образованные и уточненные представители господствующего класса соревновались перед лицом молодых красавиц в прениях на высокие философские и эстетические темы. Ребенку Некрасову помещичья жизнь открылась с иной стороны, гораздо более прозаической, — со стороны, хорошо известной крепостным рабам, кровью и потом которых скреплялось дворянское благополучие. С ранних лет Некрасов был свидетелем диких сцен помещичьего разгула, жестокости и самоуправства, жертвами которых являлись не только крепостные его отца, но и он сам и его мать, скоро сошедшая в могилу от необузданного нрава и тиранства своего мужа. В течение всей своей жизни Некрасов не мог забыть те ужасы, которые проходили перед его глазами в детстве и которые впоследствии нашли себе яркое отражение в его стихотворениях «Родина», «Псовая охота» и др.

Некрасов с детства научился смотреть на помещичью усадьбу глазами бесправного крепостного мужика. Он возненавидел ее и с чувством нравственного удовлетворения наблюдал, уже в зрелые годы, за гибелью усадебной жизни, за запустением «дворянских гнезд»:

И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада,
И нива выжжена и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий...

Печальная участь помещичьей усадьбы была в глазах Некрасова справедливой расплатой за вековое бесправие и угнетение, в которых дворянство держало своих крепостных, за безжалостную эксплуатацию их труда. Он сознавал полную законность необузданной злобы против помещиков, переполняющей сердца русских крестьян, и жалел лишь об одном — о том, что эта злоба не находила себе свободного выхода.

17-летним юношей Некрасов покинул родной дом, ставший ему ненавистным, и очутился без всяких средств к жизни на улицах Петербурга. Северная столица поразила его своей роскошью, блеском и импозантностью. «Петербург — город великолепный и обширный! — писал молодой Некрасов в автобиографической повести «Жизнь и похождения Тихона Тросникова». — Как полюбил я тебя, когда в первый раз увидел твои огромные дома, в которых, казалось мне, могло жить только счастье».

Однако роскошная столица неприветливо встретила юного Некрасова. В течение ряда лет ему пришлось вести жизнь «мыслящего пролетария», поддерживая свое существование случайными заработками, столь скудными, что будущему великому поэту довелось вплотную познакомиться с нищетой, голодом и холодом. Суровая борьба за существование на много обогатила жизненный и социальный опыт Некрасова. «Я узнал, — вспоминал он в названной повести, — что у великолепных и огромных домов, в которых я замечал прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины, есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловреден, где душно и темно и где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастья и

преступления. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть счастливыцы, которым тесны целые дома... И я спустился в душные те подвалы, поднялся под крыши высоких домов и увидел нищету, стыдливо прикрывающую лохмотья свои, и нищету, с отвратительным расчетом выносящую ее на показ... И сильнее поразили меня такие картины, неизбежные в больших и кипящих народонаселением городах, глубже запали они в душу, чем блеск и богатства твои, обманчивый Петербург! И не веселят уже меня твои гордые здания и все, что есть в тебе блестящего и поразительного!».

ТОРГ (СЦЕНА ИЗ КРЕПОСТНОГО БЫТА)

Картина маслом Н. В. Неврева, 1866 г.

Третьяковская галерея, Москва

Так открылась перед Некрасовым неприглядная изнанка столичной жизни. Блестящий Петербург предстал перед ним, как «изношенный фат без румян».

И именно этот Петербург, — Петербург тесных, сырых и зловонных каморок, приюта нищеты, — изображал впоследствии Некрасов в своих произведениях. «Громадный, стройный и суровый» город, «опоясанный гробами, своими пышными дворцами», не обманул поэта «величием царственным своим». Некрасов сумел взглянуть на этот город глазами нищего, ищущего куска хлеба, проститутки, граниющей городские тротуары в поисках из-за нужды позорного заработка, голодного ворюшки, пойманного с поличным на месте преступления. Он отразив в своей поэзии социальные контрасты столицы, в которой бедняку — «житье трудное», а «милльонерам — рай». Он понял, что большой город — омут, в котором хищники расставили свои сети для бедного люда. Он уяснил

себе, что не нравственная испорченность и не дурные природные инстинкты толкают этот люд к нарушениям закона, а отсутствие средств к жизни, порождающее жестокую необходимость бороться любыми средствами за кусок хлеба. Не эти люди виноваты в своей злосчастной судьбе, а все общество, к которому они принадлежат и которое должно нести ответственность за их гибель. Не они являются действительными преступниками, заслуживающими справедливой кары, а лицемерно твердящие о праве и нравственности знатные и богатые, которые, пользуясь покровительством закона, наживаются на страданиях обиженных судьбой маленьких людей, тем самым толкая их на преступления.

Ложь и лицемерие лежат, по мнению Некрасова, в основе всего современного ему общества, его права и морали. В стихотворениях великого поэта перед нами раскрывается целая галерея образов эксплуататоров народа, начиная с сановников, генералов, крупных чиновников и помещиков и кончая мелкими хищниками: квартирохозяйкой, содержателем извозничьего двора, хозяйкой мастерской дамских нарядов и т. п. Как ни различно положение этих людей в обществе, всех их объединяет стремление жить на чужой счет под защитой покровительствующих им закона и власти. Погоня за наживой — основной стимул, движущий всеми действиями представителей господствующих классов. Деньгам приносятся в жертву лучшие чувства человека:

Говорят, есть страсти, чувства —
Не знаком, не лгу, —

говорит про себя ростовщик в одном из стихотворений Некрасова. Из-за наживы и денег «брат поднимает на брата преступную руку свою». Иначе и не может быть в обществе, где все семейные и родственные отношения сведены к денежным.

Обиженные судьбой труженики, маленькие люди городских низов изображались не одним Некрасовым, но и другими писателями, как до него, так и одновременно с ним. Однако Некрасову удалось обнаружить в душе этих жертв социальной несправедливости новые черты, не замеченные другими. Гоголевский Акакий Акакиевич безропотно подчиняется обездолившей его судьбе, не сознавая всего ужаса своего положения. Макар Девушкин в «Бедных людях» Достоевского, в отличие от Акакия Акакиевича, чувствует несправедливость существующих общественных отношений, но вместе с тем питает уверенность в неустрашимости и неизменяемости их. Герои стихотворений Некрасова не только сознают то общественное зло, жертвами которого они являются, но и носят в себе скрытую злобу по отношению к современному обществу. Однако злоба эта еще не находит себе иного выхода, как в мелких протестах против социальной несправедливости. На планомерную борьбу за свои интересы у обездоленных и угнетенных еще не хватает сил.

Совместная работа с Белинским, оставшаяся для Некрасова на всю его жизнь незабываемым воспоминанием, помогла молодому поэту осмыслить его петербургские впечатления и наблюдения. Белинский указал и уяснил Некрасову причины, порождающие темные стороны современной цивилизации. Через Белинского и при его помощи Некрасов ознакомился с идеями утопического социализма и убедился в том, что для борьбы с недугами, от которых страдает современное общество, потребны не паллиативы, а самые решительные и крайние средства. Ни филантропия, лицемерный характер которой был для Некрасова вполне ясен, ни частичные реформы помочь не могут. Современное общество необ-

ходимо перестроить сверху донизу. Это — единственный возможный путь для осуществления социальной справедливости и для обеспечения каждому человеку возможности спокойной, светлой и радостной жизни. Эта мысль легла в основу всего поэтического творчества Некрасова и всей его общественной деятельности в роли литератора и журналиста. Когда Некрасов пришел к выводу о безвыходном тупике, в который зашла современная цивилизация, перед ним встал мучительный и тяжелый вопрос: где же реальные силы, которые могут обеспечить решение грандиозной задачи, стоящей перед человечеством? В современной ему России, задавленной деспотизмом самодержавия Николая I, он не мог найти этих сил.

Большим ударом для Некрасова явилась преждевременная смерть Белинского. В лице великого критика он имел не только учителя, но и лучшего друга. Потеряв его, он почувствовал себя одиноким. У Некрасова было немало личных и литературных приятелей; со многими он был связан долговременной дружбой; многих из них он ценил как выдающихся представителей искусства. Но вместе с тем Некрасов сознавал то, что эти люди, близкие Белинскому, еще при его жизни начали отходить от него, а потеряв его, решительно свернули с того пути, по которому шел автор знаменитого письма к Гоголю, не появившегося в печати, но во множестве рукописных списков распространенного в тогдашнем русском обществе.

В поэме «Саша» и в ряде других произведений Некрасова мы находим немало суровых высказываний о «либералах сороковых годов», у которых слово никогда не сходилась с делом и которые приходили в отчаяние, как только им предстояло поступиться чем-либо ради своих убеждений. Резко осуждал Некрасов этих «рыцарей доброго стремленья и беспутного житья» с их «постыдным бессилием раба». Однако наряду с этим Некрасов считал необходимым указать обстоятельства, смягчавшие в его глазах их вину. На этих людей он смотрел как на искалеченных тяжелыми политическими условиями, в которых они осуждены были жить и работать, как на жертвы той реакции, быть свидетелями торжества которой им выпало на долю. В наброске «Человек сороковых годов», Некрасов вкладывал в уста одного из таких людей следующее признание:

На всех, рожденных в двадцать пятом
Году и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... Я не могу...

Эти слова показывают, что бессилие и нерешительность людей 40-х годов Некрасов ставил в прямую связь с поражением восстания декабристов и наступившей после него реакцией, в условиях которой росли, развивались и формировали свой характер и свои убеждения эти люди.

Как ни сурово отзывался Некрасов о «людях сороковых годов», он в то же время сознавал и в себе самом некоторые черты характера, свойственные им. Подобно им, Некрасов был «сын большой большой века», и он, как и они, прошел «через цензуру забываемых годов». И это наложило на него неизгладимый отпечаток, освободиться от которого полностью ему никогда не удавалось. Он с болью в душе сознавал это и, преувеличивая свою вину, доходил до того, что считал свою жизнь погибшей даром. Люди, находившие в себе силы пожертвовать собою за убеждения, всегда были предметом его зависти.

Бичуя себя, Некрасов забывал о широком отклике, который его поэтическая деятельность встречала в стране, и о громадном общественном значении, которое в силу этого приобретали его стихотворения и поэмы. Человек, усвоивший идеи Белинского и в течение всей своей жизни сохранявший верность им, человек, нашедший в себе силы пойти на полный разрыв со своими стародавними друзьями из лагеря либерального дворянства и бесповоротно соединивший свою судьбу с проповедниками крестьянской революции в лице Чернышевского и Добролюбова, человек, в самых тягчайших цензурных условиях не выпускавший пера из рук и продолжавший смело вести свой журнал в избранном им направлении,— такой человек грешил против истины и проявлял высшую несправедливость по отношению к себе, когда отзывался о своей жизни, как о «бесполезно погибшей».

Правда, порой Некрасов «к цели шел колеблющимся шагом». В его жизни были мучительные минуты, когда ему приходилось идти на компромиссы со своей совестью, приводившие в негодование людей более стойких, но не способных вполне объективно отнестись к тяжелому положению, в котором оказывался в такие минуты Некрасов.

«Некрасов,— пишет В. И. Ленин,— колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского»¹³.

Отмеченная Лениным «слабость» объясняет многое в жизни Некрасова. Она являлась одной из причин, удерживавших его от вступления в ряды активных революционеров, но она не могла помешать ему в момент крайнего обострения классовой борьбы в условиях предстоящей отмены крепостного права решительно порвать связи с либералами и стать под знамя крестьянской революции. В этом его громадная, незабываемая заслуга. И она резко выделяет его из среды тех «людей сороковых годов», которые на всю жизнь оставались, по его выражению, «героями слова, а на деле детьми».

4

Характеризуя политические воззрения Герцена и выясняя причины, породившие его колебание между демократизмом и либерализмом, В. И. Ленин указывал, что он принадлежал «к помещичьей, барской среде». «Он,— писал Ленин про Герцена,— покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него». В этом была не вина, а беда Герцена. Когда же в 60-х годах Герцен увидел в России восставший на защиту своих интересов народ, «он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»¹⁴. Это в известной мере можно сказать и о Некрасове.

Из статистических данных и секретных документов, ставших известными лишь в позднейшее время, мы знаем, что в царствование Николая I в русской деревне было весьма беспокойно. Факты и цифры показывают, что в тогдашней России крестьянское движение неуклонно нарастало и ширилось. Отношения между крестьянами и дворянством с каждым годом обострялись.

Однако в современную печать сведения о волнениях крестьян и о правах их над помещиками не проникали. До русских интеллигентов того времени доходили только смутные, не всегда достаточно определенные слухи о событиях такого рода. Зато одно было для них совершенно очевидно и несомненно: это то, что м а с с о в о г о крестьянского движения — такого, например, как при Пугачеве,— в современной им России нет. Они поэтому считали, что если в деревне и происходят порой волнения и столкновения между крестьянами и помещиками, то эти явления имеют

БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ

Литография с картины И. Е. Репина с авторской раскраской и дарственной надписью художника Людмиле Ивановне Грузенберг, 15 августа 1914 г.

Третьяковская галерея, Москва

случайный характер, вспыхивают без видимой связи между собой в различных местностях России и одновременно, а потому без особых затруднений подавляются властями. При таких условиях им казалось, что крестьянство, взятое в массу, продолжает терпеливо, безропотно и покорно переносить угнетающее его крепостническое рабство.

Некрасов в этом отношении не был исключением среди своих современников. Вспоминая впоследствии эту пору, он писал («Недавнее время»):

А народ — мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные весты
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
М рачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной...

Оторванность от народа, так ярко отображенная в этом стихотворении, отсутствие полного и точного представления о происходящем в деревне, о думах и чаяниях крестьянства, не могли, конечно, не отражаться на политических настроениях Некрасова и сказывались на его поэзии.

В стихотворениях Некрасова можно найти немало жалоб на политическую пассивность и апатичность русского крестьянства. «Спит народ под тяжким игом», — писал он. «Народ угнетенный глух перед общей бедой», — читаем мы в другом его стихотворении. «Терпенье безмерное» русского крестьянства не раз «досаду родит» в поэте и возбуждает порой грустные думы о будущем этого «терпением изумляющего народа». Существующий порядок начинает иногда казаться Некрасову настолько крепким, что трудно даже мечтать о перестройке его.

В стихотворении «На Волге» поэт писал:

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей.

И далее поэт продолжал, обращаясь к волжскому бурлаку, в котором для него как бы олицетворялся весь народ:

Чем хуже был бы твой удел
Когда б ты менее терпел?

Размышления о прочности «суровой среды» и пассивности народа наложили свой отпечаток и на отношение Некрасова к революции. Однако ни в коем случае нельзя преувеличивать значение таких пессимистических настроений и высказываний Некрасова, как это делал, например, Г. В. Плеханов. В речи, произнесенной по случаю 25-летия со дня смерти Некрасова, Г. В. Плеханов утверждал, что поэт «ни на минуту не мог поверить в возможность широкого революционного движения в народе», что массовое крестьянское восстание «представлялось Некрасову совершенно немислимым»¹⁵. Это, несомненно, ошибочное утверждение: взгляды Некрасова на революцию и его оценка возможности революции подверглись с течением времени довольно существенным изменениям, которые отчетливо запечатлены в его поэзии.

Еще в середине 40-х годов под влиянием Белинского Некрасов понял, что при сохранении в неизменности феодально-крепостнического строя народ осужден на тяжелую, беспросветную жизнь. Понял он и то, что светлое будущее народа недостижимо мирным путем, без насильственной борьбы, а также и то, что без участия самого народа эта борьба не может рассчитывать на успех. Однако в политических условиях России того времени народная революция представлялась ему делом хронологически неопределенного будущего. Убеденный в необходимости революции, он не видел, однако, в тогдашней России общественной силы, способной осуществить ее. Под влиянием этого, естественно, не могли иногда не зародиться сомнения относительно ближайших перспектив борьбы.

Эти сомнения сказались, между прочим, на стихотворном диалоге «Поэт и гражданин» (1856), в котором, несомненно, нашли свое отражение беседы, происходившие тогда между Некрасовым и Чернышевским. На призывы «гражданина» служить лирой «неимушцим хлеба» и идти «в огонь за честь отчизны» «поэт» отвечает указанием на прочность и непоколебимость зла и на безнадежность борьбы против него. Вспоминая годы своей юности, «поэт» восклицает:

Куда ретив был мой Пегас!
Клянусь, я честно ненавидел.
Клянусь, я искренно любил!

И далее рассказывает о том, как его любовь и ненависть, не встречая отклика в окружающей среде, угасли и как это побудило его «сложить смиренно руки» и прекратить борьбу в сознании своего одиночества и отсутствия поддержки.

Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно...—

признается он «гражданину». Однако борьбы-то он нигде не видел. В результате тяжелых разочарований и гибели юношеских надежд ему не оставалось ничего другого, как с грустью признаться:

Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.

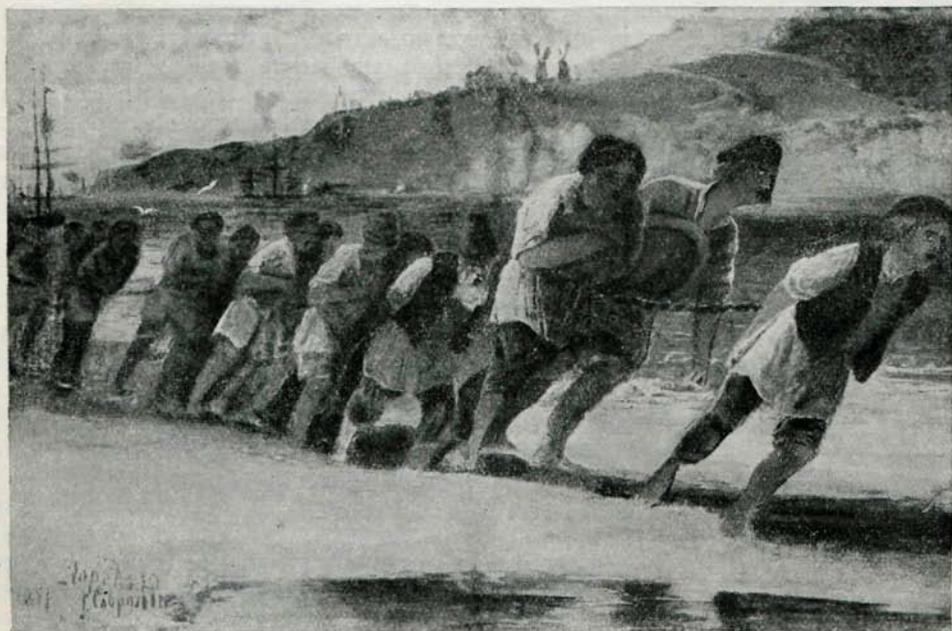
Поэт был несправедлив по отношению к самому себе. Он недооценивал своих сил, значения своей борьбы и преувеличивал свою разочарованность. Он напрасно упрекал свою музу, что она будто бы навсегда покинула его. В действительности же муза не переставала вдохновлять поэта на его песни, и эти песни, передаваемые им, чем дальше; тем с большей силой ударяли по сердцам слушателей. Гнетущее чувство одиночества и безнадежности, охватывавшее подчас поэта, сменилось радостным сознанием, что призывы его музы, наконец, перестали оставаться безответными и начали находить небывалый ранее отклик со стороны общества.

Призывы и доводы «гражданина» не прошли бесследно для «поэта» и оказали на него могучее возрождающее влияние.

5

Разрыв Некрасова с его прежними друзьями — Тургеневым, Боткиным, Дружининым и другими членами их кружка — как ни тяжел он был для поэта, облегчался тем, что, несмотря на близость их, полного единомыслия между ними никогда не существовало. Даже в самые тяжелые годы николаевской реакции, в так называемую «эпоху цензурного террора», когда Некрасов, лишившись в лице Белинского своего идейного руководителя, остался в одиночестве и в силу этого поневоле теснее сблизился с людьми, занимавшими в то время — за смертью Белинского и эмиграцией Герцена — передовые посты в русской литературе, — между ним и представителями либерального дворянства на каждом шагу обнаруживались весьма существенные разномыслия.

Когда мы теперь знакомимся с письмами этих людей к Некрасову и их перепиской друг с другом, относящейся к 40-м и 50-м годам прошлого века, для нас становится совершенно ясным их несколько снисходительно-

БУРЛАКИ

Картина маслом А. К. Саврасова, 1871 г.
Третьяковская галерея, Москва

высокомерное отношение к Некрасову и далеко не всегда благоприятное для поэта мнение о его поэтическом творчестве. Поэзия Некрасова в основных и ведущих ее мотивах была чужда им и принималась ими только с весьма существенными оговорками. Вместе с тем, они не могли не сознавать силу и остроту поэтического дара Некрасова и то волнующее и возбуждающее воздействие, какое его стихотворения производили на читателей. По выходе в свет в 1856 г. книжки стихотворений Некрасова Тургенев, нередко склонный категорически отрицать существование у Некрасова поэтического таланта, был вынужден признать, что стихотворения этого поэта, «собранные в один фокус, — ж г у т с я»¹⁶. Тогда же он писал М. Н. Лонгинову: «Я никогда не сомневался в огромном успехе стихотворений Некрасова. Радуюсь, что мои предсказания сбылись... Что ни толкуй его противники, а популярнее его нет теперь у нас писателей — и поделом»¹⁷.

Сознавая силу поэзии Некрасова, его друзья стремились побудить его перестроить свою лиру на их лад. Это они делали и в разговорах с ним, и в своих письмах к нему, и на страницах печати.

«Одни честные мысли, — поучал Некрасова Тургенев, имея в виду его стихи, — нельзя назвать поэзией»¹⁸. В свою очередь В. П. Боткин писал Дружинину в сентябре 1855 г.: «Зачем, любезный друг, ограничиваете вы гонение на дидактику одним только гоголевским направлением; надобно гнать ее везде, начиная с некоторых стихотворений Некрасова, который, кажется, начинает впадать в дидактизм»¹⁹. Дружинин незамедлительно выполнил это указание Боткина. Воспользовавшись выходом в свет отдельным изданием повестей Тургенева, он противопоставил этого писателя — «благороднейшего эпикурейца-поэта», по выражению Дружинина, — «сумрачным дидактикам». Фамилии «дидактиков» названы не были, но далее следовало вполне ясное и понятное для читателей указание на то, кого именно имеет в виду Дружинин: через несколько строк он, как бы мимоходом, упомянул о «довольно неудачном выражении одного писателя: л ю б и т ь н е н а в и д я»²⁰.

Читатели хорошо понимали, что эти выпады Дружинина направлены против Некрасова. Именно он был тем писателем, который своими поэтическими произведениями разрушал столь любезную сердцу Дружинина «светлую философию», долженствующую затушевывать мрачные стороны русской действительности того времени и отвлекать читателей от участия в борьбе за переустройство русского общества. Именно Некрасов был тем писателем, у которого слово «любовь» неизменно сочеталось со словами «ненависть» и «злоба». Именно он в 1852 г. воспевал поэта, горящего святой злобой:

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как л ю б и л о н — н е н а в и д я.

(«Незлюбивый поэт»)

Именно он, Некрасов, в другом стихотворении утверждал:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не л ю б и т отчизны своей.

(«Газетная»)

Это он говорил о «русских мыслях»,

В которых так много злобы и боли,
В которых так много любви.

(«Крестьянские дети»)²¹

Неразрывная связь любви с ненавистью постоянно являлась одной из характернейших черт поэзии Некрасова. Для него любовь и ненависть являлись двумя сторонами одного чувства. Любовь к человеку всегда у него была соединена с ненавистью к тому, кто этого человека угнетает и оскорбляет. Любовь к родному народу порождала в нем неутолимую злобу к его притеснителям и эксплуататорам.

Этого не понимали Боткин и его друзья, делавшие наивную попытку убедить Некрасова, что он «**к л е в е щ е т н а с е б я**», утверждая, что

То сердце не научится л ю б и т ь,
Которое устало н е н а в и д е т ь.

«Не знаю я,— писал Боткин в декабре 1855 г.,— насколько ты можешь ненавидеть,— но насколько ты можешь любить, я это чувствую. Я не знаю другого сердца, которое так же умеет любить, как твое...»²².

Хорошо известно, какую упорную борьбу вели друзья Некрасова с Чернышевским за «Современник». Для них в этой борьбе вопрос был поставлен не только об их влиянии на широко распространенный, пользовавшийся большою популярностью среди читателей журнал, но также и о руководителе этого журнала Некрасове. Боткин, Дружинин и другие члены их кружка прилагали все усилия к тому, чтобы пересоздать Некрасова по своему образу и подобию и заставить его музу служить их идеалам и целям. Естественно поэтому, что те «неверные звуки», которые порой проникали в поэзию Некрасова, приводили их в восторг; они стремились убедить поэта, что именно эти «неверные звуки» и есть самая настоящая, доподлинная поэзия.

Когда в 1855 г. Некрасов призывал свою музу «замолкнуть»:

Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали...—

друзья поэта восприняли эти строки, как его отказ от «злости» и «ненависти». Тургенев, посылая это стихотворение («Замолкни, Муза мести и печали!») П. В. Анненкову, сообщал, что Некрасов «просветлел и умягчился». Еще более восторженно приветствовали они некрасовское стихотворение «Тишина» (1857), в котором им хотелось видеть доказательство готовности Некрасова примириться с действительностью.

Однако ни упреки, ни похвалы друзей не подействовали на Некрасова. В основном он всегда оставался верен своей «музе мести и печали».

Отрицательным отношением к его поэзии друзья Некрасова облегчали ему предстоящее расхождение с ними.

Мы упоминали выше о том, что в 1856 г. стихотворения Некрасова вышли отдельным изданием. Эта небольшая книжка имела выдающийся успех. В течение нескольких дней все издание было распродано. Цензор Волков, рассматривавший, по приказанию министра народного просвещения, книжку Некрасова по выходе ее в свет, в своем заключении писал о ней: «Книгу Некрасова видишь почти в каждом образованном семействе; все ее читают, все от нее в восторге, все торопятся приобрести ее! Бесспорно, велик талант у г. Некрасова»²³. В одном лишь Волков был неправ, когда писал эти строки: далеко не все были в восторге от стихотворений Некрасова. В правительственных кругах его книга вызвала сильную тревогу и негодование на цензуру, пропустившую ее. «Аристократическая сволочь», по выражению герценовского «Колокола», сочла эту книжку «чуть не адской машиной», усмотрев в ней нечто вроде «призыва к оружию»²⁴.

Тургенев, как мы уже знаем, считал успех, выпавший на долю стихотворений Некрасова, вполне заслуженным. Не признать этого было нельзя. И тем не менее Некрасову пришлось выслушивать много неприятного

от своих друзей. По их мнению, он допустил ошибку, зря раздражив своей книгой правительство. Подобные упреки не могли не оскорблять Некрасова. В апреле 1857 г. он писал Л. Н. Толстому: «...кстати скажу, что я был серьезно обижен тем несомненным фактом, что все мои литературные друзья в деле о моей книге приняли сторону сильного, обвиняя меня в мальчишестве. Ах, любезный друг! Не мальчишество на этом свете только лежание на пуховике, набитом ассигнациями, накраденными собственной или отцовской рукой. Каковы бы ни были мои стихи, я утверждаю, что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать, или как бы что написать: позлее, полиберальнее, — мысль, побуждение, свободно возникавшие, неотвязно преследуя, наконец, заставляли меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие... Все это я говорю к тому, что изменить характер своего писания я не могу..., а потому не ждите от меня ничего по части стихов, что бы пришлось по Вашему вкусу»²⁵.

Эта суровая отповедь, формально адресованная Толстому, по существу являлась ответом Некрасова всем его чрезмерно осторожным и чересчур благоразумным друзьям. Из слов Некрасова они могли понять, что борьба, которую они вели за него, ими проиграна, а напечатанная им в «Современнике», вскоре после написания только что цитированного письма Л. Н. Толстому, «Песня Еремушке», с ее яркими революционными призывами, с ее проповедью «необузданной, дикой к угнетателям вражды», должна была окончательно убедить их, что поэт полностью освободился от их влияния и что он твердо стал на путь, далеко расходящийся с дорогой, по которой шли они. На «измену» Некрасова они ответили ненавистью к нему, доходившей до того, что один из них, В. П. Боткин, не стеснялся подзадоривать цензуру в ее борьбе с некрасовским журналом. Трудно было бы поверить в возможность такого факта, если бы сам Боткин не поведал о нем с полной цинизма откровенностью. В одном из писем к Фету, в начале 1866 г., выражая радость по поводу двух предостережений, данных цензурой «Современнику», Боткин писал: «Я же, пользуясь моим знакомством с членами совета по книгопечатанию, стараюсь поддерживать их в их энергии»²⁶.

Ясно, что к этому времени Некрасов определился для Боткина как классовый враг, в борьбе против которого он считал допустимым любые средства.

6

То двустороннее чувство любви-ненависти, которое, как мы убедились, стало характерным для поэзии Некрасова и которое приводило в негодование его бывших друзей, было вполне понятно для людей из радикально-демократического лагеря. Еще в 1847 г. Белинский писал в одном из писем к К. Д. Кавелину: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в тысячу раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви»²⁷.

Вполне понимали чувства Некрасова и Чернышевский с Добролюбовым. Первый из них в романе «Что делать?» вкладывал в уста Лопухова, после превращения его по ходу романа и по воле автора в Чарльза Бьюмонта, характерное упоминание о Некрасове. Говоря с Полозовым о «турецком невежестве», царящем в России и обусловливающим ее «японскую беспомощность», Бьюмонт добавлял: «Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, как свою, скажу я вам, подражая вашему поэту»²⁸.

Любовь-ненависть Некрасова являлась не чем иным, как выражением существенных особенностей его патриотизма. Он сам отчетливо понимал

это. В одном из писем к Толстому в 1856 г. он писал: «Когда мы начнем больше злиться, тогда будет лучше, т. е. больше будем любить,— любить не себя, а свою родину»²⁹.

Любовь к родине сливалась для Некрасова воедино с интересами народа.

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь...

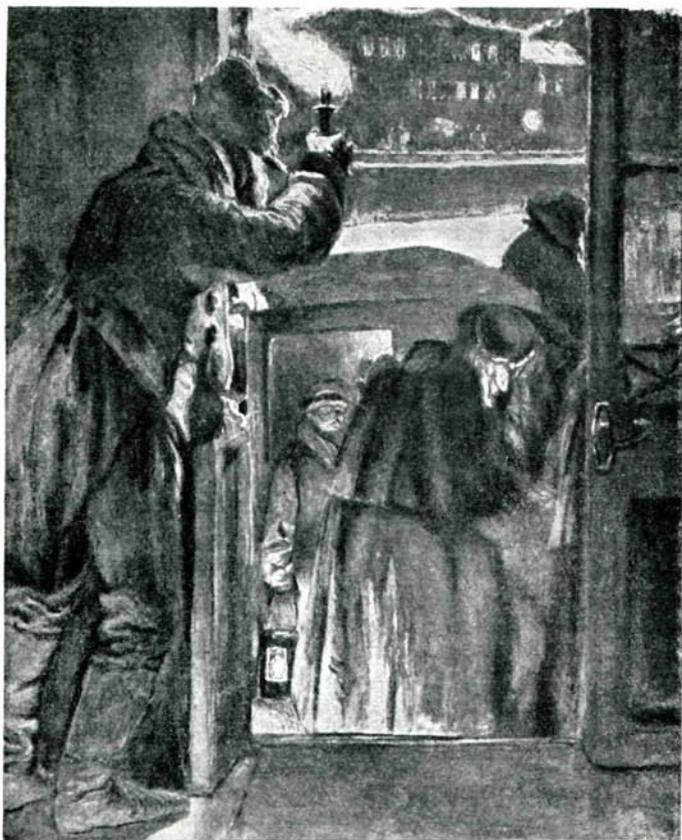

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ» («ДЕКАБРИСТКАМ») ОТЪЕЗД КНЯГИНИ ТРУБЕЦКОЙ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В СИБИРЬ

Акварель Д. Н. Кардовского, 1922 г.

Третьяковская галерея, Москва

— писал Некрасов, и он имел полное основание говорить это о себе. Он «музу посвятил народу своему», и она честно служила ему, хотя сам он мучился, считая, что она якобы принесла народу недостаточно пользы.

Некрасов к оценке явлений современной ему общественной жизни подходил с точки зрения соответствия их с нуждами и интересами народных масс.

«Любовь к отечеству,— писал Некрасов в 1855 г.,— заключается прежде всего в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достойное и самую жизнь, в горячем сочувствии всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию»³⁰.

Некрасов хорошо знал зло русской жизни и не хотел мириться с ним или закрывать глаза на него. Его отношение к родине отличалось таким же критическим характером, как отношение к ней Белинского, который безгранично возмущался «гнусной российской действительностью» именно потому, что горячо любил свою родину и мечтал видеть ее не угнетенной и отсталой, а свободной и процветающей.

Ненависть Некрасова к произволу, подавлению человеческой личности, бесправию и эксплуатации не только определяла его политические убеждения, но и отразилась на всей его литературной деятельности: критический реализм творчества Некрасова стоял в связи с его убеждением о необходимости для писателя посвятить свое перо служению родному народу.

Когда во второй половине 50-х годов Дружинин, полемизируя с Чернышевским, ополчился против «обличительного направления» в литературе, созданного, по его мнению, в России Белинским, и стал проповедывать необходимость «нового направления», Некрасов в письме к Тургеневу указал, что проповедь Дружинина обречена на неудачу. «Какого н о в о г о направления он хочет? — писал Некрасов. — Есть ли другое, живое и честное, кроме обличения и протеста? Его создал не Белинский, а среда, оттого оно и пережило Белинского, а совсем не потому, что «Современник» — в лице Чернышевского — будто бы подражает Белинскому»³¹. В этих словах Некрасов сжато сформулировал свой взгляд на задачи литературы, и этому взгляду он оставался верен в течение всей жизни.

7

Чувство одиночества, овладевшее Некрасовым после его разрыва с прежними друзьями — особенно с Тургеневым, которого он искренно любил и высоко ценил как замечательного художника слова, — не могло сохраниться у него надолго. Некрасов скоро убедился, что на смену старым друзьям у него появились новые, с неменьшей любовью и преклонением относившиеся к его таланту и лучше старых друзей понявшие и оценившие его творчество.

Сближение с Чернышевским и Добролюбовым имело поистине громадное значение в жизни Некрасова. Узнав этих людей, познакомившись с их мыслями и чувствами, он проникся глубоким уважением к ним. В их лице он встретил представителей новой для него общественной среды, по всему складу мышления и поведения далеких от среды, которая окружала его после смерти Белинского. Своей любовью к народным массам и преданностью делу их освобождения Чернышевский и Добролюбов живо напоминали Некрасову его безвременно погибшего учителя и друга. В них Некрасов нашел истинных продолжателей дела, начатого Белинским.

Первые же выступления Чернышевского на литературном поприще убедили Некрасова в этом. В февральской книжке «Современника» за 1854 г. Чернышевский напечатал рецензию, посвященную критическому разбору романов и повестей второстепенного беллетриста той поры М. В. Авдеева. В своих произведениях Авдеев изображал в идиллических тонах помещичью жизнь. Чернышевский указывал, что произведения Авдеева отмечены ложной тенденцией, ибо «не всякий образ жизни может быть идеализирован в своей истине». Поясняя свою мысль, он писал, что те «голубки», которых рисует Авдеев, в действительности не голуби, а «просто на просто осовевшие под розовыми красками коршуны и сороки», и что от них «плохо приходится очень многим, потому что тунеядцы должны же кого-нибудь объесть»³².

В цензурных условиях того времени трудно было яснее выразить мысль о паразитизме господствующего класса. Во всяком случае, читатели хо-

рошо поняли, что именно хотел сказать Чернышевский. Друзья Некрасова были глубоко возмущены казавшейся им дерзкой выходкой молодого литератора. Они настаивали перед Некрасовым на удалении автора возмущившей их рецензии из «Современника». Однако их настояния не увенчались успехом. Некрасов хорошо знал, что он делал, когда печатал рецензию Чернышевского, и поэтому поддержал его. Иначе и быть не могло, потому что он сам был вполне согласен с той оценкой, какую

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ» («ДЕКАБРИСТКАМ») ВЕЧЕР У ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ

Акварель Д. Н. Кардовского, 1922 г.

Третьяковская галерея, Москва

Чернышевский дал общественной роли господствующего класса. Рецензия Чернышевского могла только радовать редактора «Современника», показывая ему, что в лице молодого сотрудника своего журнала он нашел человека, близкого ему по взглядам. Чем дальше, тем более убеждался в этом Некрасов, и скоро чувство взаимной любви и уважения связало его с Чернышевским.

Чернышевский не скрывал от Некрасова, как высоко он ценил его поэтическое творчество, и ставил своею целью поддерживать энергию и творческую инициативу в хандрившем порой и упрекавшем себя в бессилии и ослаблении воли поэте. «Такого поэта, как Вы, у нас еще не было», — писал Чернышевский Некрасову в 1856 г., указывая на обя-

занность, лежащую на нем по отношению к русскому обществу и народу. «Пожалуйста, постарайтесь укрепить свое здоровье,— убеждал Чернышевский Некрасова,— оно нужно не для Вас одних. Вы теперь лучшая — можно сказать, единственная прекрасная надежда нашей литературы. Пожалуйста, не забывайте, что общество имеет право требовать от Вас: «будь здоров, ты нужен мне...». Вы сделали много... но еще гораздо больше Вы сделаете. Ваши силы огромны и, что Вы ни говорите, свежи. Будьте же здоровы, берегите себя и не освобождайте себя от обязанности трудиться для настоящего сожалениями о прошедшем»³³.

Чернышевский ценил в поэзии Некрасова именно то, что отталкивало от нее его прежних друзей: жгучий протест поэта против чудовищных условий русской жизни, его пламенную любовь к русскому народу, его сочувствие всем обиженным судьбой и людьми, его мечты о светлом будущем, когда не станет ни господ, ни рабов, ни эксплуататоров чужого труда, ни эксплуатируемых.

Добролюбов, с которым, несмотря на разницу в годах, Некрасов особенно сблизился, относился к его поэзии совершенно так же, как и Чернышевский.

«Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Еремушке Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике»..., — писал в 1859 г. Добролюбов одному из своих школьных приятелей.— Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем погрязшему в тине пошлости. Боже мой, сколько великодушных вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура»³⁴.

Как и Чернышевский, Добролюбов настойчиво убеждал Некрасова в том, что он может и должен принести еще много пользы русскому народу. Живший всецело интересами революции и подчинявший им всю свою литературную работу, Добролюбов не только ценил Некрасова, как «представителя добрых начал в нашей поэзии», но и находил его способным сыграть громадную роль в общественном движении, аналогичную той, которую в Италии играл в то время Гарибальди. В одном из писем 1860 г. Добролюбов писал Некрасову: «Опять мне суется в голову Гарибальди; вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею... Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, а должен быть счастливее нас с Вами при всех испытаниях, какие потерпел. А между тем, я Вам говорю не шутя — я не вижу, что б Ваша натура была слабее его. Обстоятельства были другие... Вы, впрочем, сами знаете все это, но не хотите себя поставить на ноги, чтобы дело делать»³⁵.

Это замечательное письмо было написано Добролюбовым по поводу стихотворения Некрасова «Рыцарь на час», в котором поэт ярко изобразил переживания и чувства человека, которого недостаток решительности и нравственное слабосилие удерживают от перехода «в стан погибающих за великое дело любви».

Усилия Чернышевского и Добролюбова не пропали даром. Под их влиянием Некрасов исцелился от апатии и хандры. Они укрепили в поэте уверенность в неминучести конечного торжества того дела, которому он посвятил свою лиру.

Много вынес Некрасов полезного для себя из общения со своими молодыми друзьями. Наблюдая за Добролюбовым, который одно время жил на одной квартире с Некрасовым, последний убедился, что на смену дворянской интеллигенции идет новая интеллигенция, гораздо более близкая народу, не отделяющая своих личных интересов от интересов угнетенных и поработанных народных масс. Добролюбов был для Некрасова образцом человека, последовательного во всех своих действиях, твердым

шагом идущего к намеченной цели и готового пожертвовать всем ради торжества дела, на служение которому он посвятил свои силы. «Добролюбов,— говорил Некрасов,— это такая светлая личность, что, несмотря на его молодость, проникаешься к нему глубоким уважением. Этот человек не то, что мы: он так строго следит за собою, что мы все перед ним должны краснеть за свои слабости, которыми заражены»³⁶.

Развитие политической жизни в России на каждом шагу убеждало Некрасова, насколько он был прав, отдав новым друзьям предпочтение перед старыми. Он вскоре убедился, что направление, принятое «Современником» под руководством Чернышевского и Добролюбова, вопреки неоднократным предсказаниям Боткина и Дружинина, не только не привело к падению популярности этого журнала, но способствовало росту его влияния. «Современник» приобрел новых читателей, для которых каждая вновь выходящая книжка этого журнала была предметом не только чтения, но и изучения. Правда, одновременно с этим росла и ненависть к «Современнику» его многочисленных врагов. Однако это не пугало Некрасова, который еще в 1852 г. писал про истинного, понимающего свое общественное назначение поэта:

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

Нарастающая злоба врагов показала Некрасову, что «Современник» становится все более мощной общественной силой. А сознание этого — лучшая награда для истинного журналиста, каким был Некрасов. Выступая плечом к плечу с Чернышевским и Добролюбовым, Некрасов уже не чувствовал себя одиноким в борьбе, которую ему приходилось вести.

Смерть Добролюбова и арест Чернышевского потрясли Некрасова:

Какой светильник разума угас.
Какое сердце биться перестало!
.....
Плачь, русская земля. Но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно

— писал Некрасов в стихотворении «Памяти Добролюбова». В скончавшемся писателе поэт видел пример того, как следует жить и умирать «для славы, для свободы».

Таким же образом истинного гражданина являлся для Некрасова Чернышевский. Это видно из стихотворения «Пророк». Найденный в настоящее время новый источник этого стихотворения (см. выше, на стр. XXV) устраняет всякие сомнения относительно того, что оно было посвящено поэтом именно Чернышевскому, страдальческую участь которого Некрасов не мог забыть в течение всей своей жизни. Для Некрасова Чернышевский — человек, понявший «невозможность служить добру, не жертвуя собой», и ради любви своей к делу, ставшему целью его жизни, смело идущий на смерть. Некрасовский «Пророк» не задумывается о личном счастье, потому что его счастье неотделимо для него от счастья общества:

Так, мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Некрасов навсегда сохранил благодарную память о замечательных людях, рука об руку с которыми ему пришлось работать в бурную эпоху

революционной ситуации 60-х годов. И когда, уже на смертном одре, он услышал из уст А. Н. Пыпина привет, присланный ему из далекой сибирской ссылки Чернышевским, то он воспринял это как лучшую награду за всю свою литературную деятельность.

8

Никто из сотрудников «Современника» не пользовался в глазах Некрасова таким авторитетом, как Чернышевский и Добролюбов. Некрасов понимал, какое громадное значение имеет их деятельность и какое исключительное влияние завоевали они себе среди революционно-демократических кругов тогдашнего общества. Только учитывая это, можно представить себе, каким тяжелым ударом явились для Некрасова смерть Добролюбова и арест Чернышевского. Утратив их, Некрасов не видел вокруг себя людей, которые могли бы заменить их в редакции «Современника». В жизни Некрасова началась новая полоса одиночества. Однако на этот раз он был уже не тем, каким являлся до сближения с ними. Несмотря на чрезвычайную сложность тогдашнего политического положения в стране, Некрасов нашел в себе силы продолжать дело, которое ранее он вел вместе с ними.

Добролюбов и Чернышевский сошли с литературного поприща в дни, когда Россия переживала переломный момент в своем историческом развитии. Реформа 1861 г., отразившаяся на всех сторонах жизни России, поставила перед нею новые, незнакомые преждем времени задачи.

Характеризуя отношение революционно-демократических кругов к реформе 19 февраля, В. И. Ленин писал: «Были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»³⁷. К числу этих немногочисленных людей с полным правом должен быть отнесен и Некрасов. Он сразу же осознал, что наряду с «волей» реформа несет новые страдания русскому крестьянству. «Так вот что такое эта «воля». Вот что такое она!» — воскликнул он, читая царский манифест³⁸. Не этого он ждал, не этого он желал для своего народа.

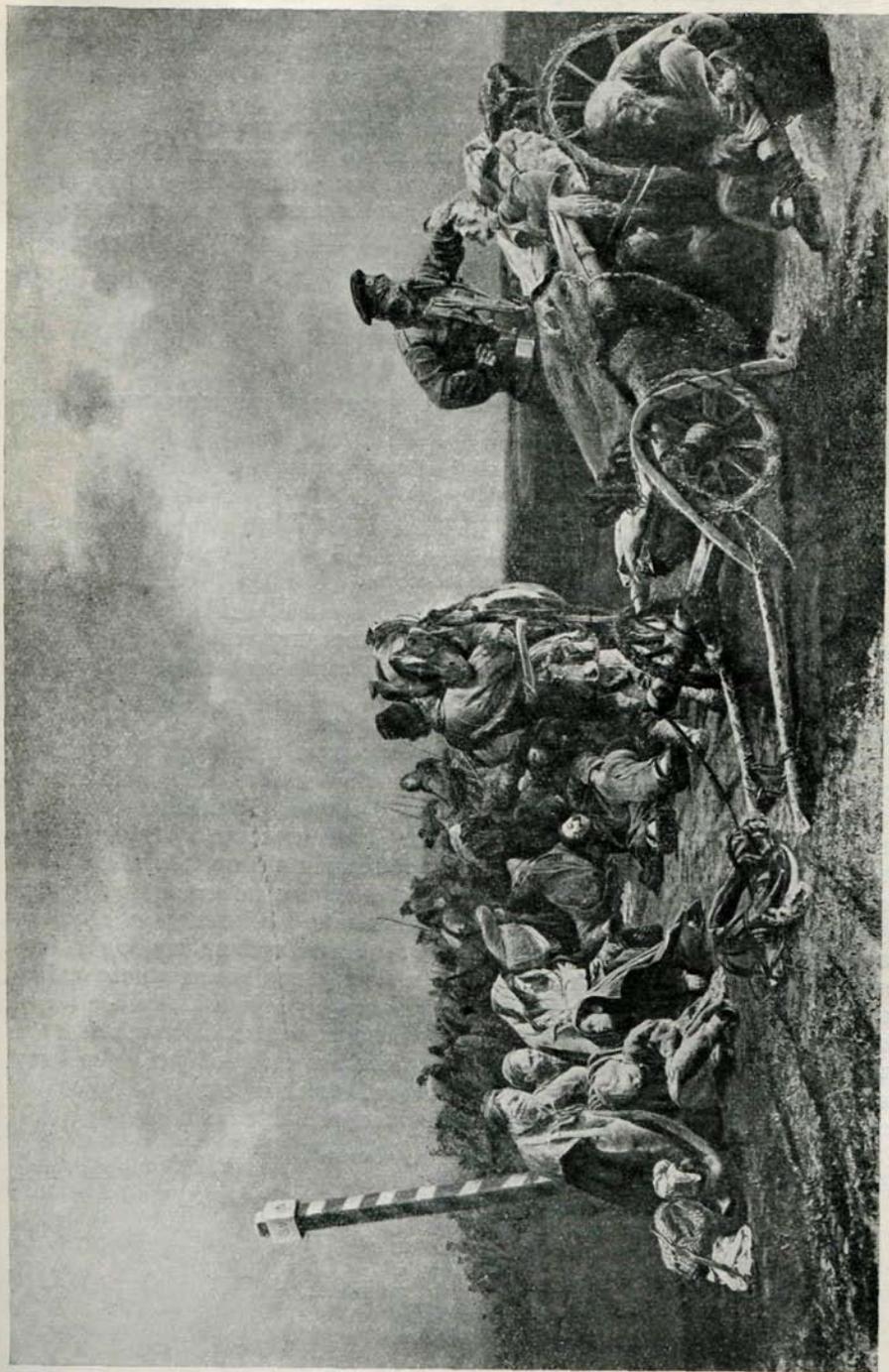
В стихотворениях Некрасова мы находим ряд откликов на реформу 19 февраля, свидетельствующих, что в оценке ее он вполне сходиллся с Чернышевским. Как и Чернышевскому, ему было ясно, что самодержавно-дворянское правительство, подготавливая отмену крепостного права, отнюдь не считалось с интересами и потребностями крестьянства, а заботилось об одном только — чтобы интересы помещиков пострадали как можно менее от лишения их прежней власти над крепостными рабами.

Что ж не вижу следов обновления
В бедной отчизне моей?

— спрашивал поэт, констатируя, что «в жизни крестьянина, ныне свободного», попрежнему царят «бедность, невежество, мрак».

«Не много выиграл народ, и легче нет ему покуда», — писал Некрасов в другом стихотворении. Поэт хорошо понимал, что «на месте цепей крепостных люди придумали много иных», что освобожденные крестьяне остались в полной экономической зависимости от помещиков и что к старому помещичьему гнету, лежавшему на них, присоединяется новый, связанный с проникновением в деревню капиталистической эксплуатации.

Одним из первых в художественной литературе Некрасов отметил появление на нашей родине «кулака», который «по селеньям зверем рыщет

ПРИВАЛ АРЕСТАНТОВ

Картина маслом В. И. Якоби, 1861 г.
Третьяковская галерея, Москва

выжимая четвертак». В стихотворении «Горе старого Наума» Некрасов показал силу и значение, приобретенные в деревне деньгами. Ростовщик-кулак, ссужающий деньги займы за работу, держит всю округу в своих загребистых лапах:

Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепя,

— самодовольно заявляет он. Для крестьян зависимость, в которую они попали от кулака, явилась ничем не легче крепостной неволи.

Двойная эксплуатация, которой подверглись «освобожденные» крестьяне, неумолимо влекла их к полному разорению. Народ изнывал в непосильном труде, а все плоды этого труда шли в руки дармоедов и хищников:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди — стоят три дольщика:
Бог, царь и господин.

Со скорбью и негодованием рисовал Некрасов прогрессирующее обнищание и бескультурье пореформенной деревни:

— Как у вас хлебушко? «Нет ни ковриги».
— Где у вас скот? «От заразы подох».
А зайкнулся про школы, про книги —
Прочь побежали...
К школе подвешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли.
Как эти люди заплатят оброк?

Яркую картину крестьянской нищеты Некрасов нарисовал в своей знаменитой поэме «Кому на Руси жить хорошо». Многие страницы этой поэмы могут служить художественной иллюстрацией к ленинским указаниям на грабительский характер реформы 19 февраля.

Нищие крестьянские наделы, недостаточные для пропитания владельцев и для удовлетворения их элементарных жизненных потребностей, и рядом с ними обширные помещичьи латифундии, хозяйство которых основано на безжалостной эксплуатации крестьянского труда, — вот основное противоречие, порождающее все бедствия пореформенной деревни и отражающееся не только на экономическом положении ее населения, но и на всех сторонах его жизни. Малоземелье, нищета и систематическое недоедание пореформенного крестьянства грозят подорвать его физические и умственные силы. Нищета и бесправие гонят крестьянина в кабак. Нищета и бесправие порождают кошмарную участь русской крестьянки, которую безрадостная жизнь и непрерывный непосильный труд заставляют «отцветать, не успевши расцвести»; это они сообщают ее лицу выражение «вечного бессмысленного испуга». Нищета и бесправие уродуют в умственном и физическом отношениях русского крестьянина:

Грудь впалая, как вдавненный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный;
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок...

Как ни мрачны картины русской жизни, изображенные Некрасовым, в его поэзии нет ни безнадежности, ни пессимизма. Напротив того, его стихотворения 60-х и 70-х годов отличаются глубоким оптимизмом и

уверенностью в том, что, как ни тяжелы испытания, выпавшие на долю русского народа, его ожидает светлое, радостное будущее.

В поэме «Несчастные» Некрасов писал о России:

Она не знает середины —
 Черна — куда ни погляди.
 Но не проел до сердцевины
 Ее порок. В ее груди
 Бежит поток живых и чистых,
 Еще немых народных сил:
 Так под корою Сибири льдистой
 Золотоносных много жил.

Некрасов знал, что его родина не только «убогая», но и «обильная», не только «бессильная», но и «могучая»; он понимал, что освобождение русского народа от лежащего на нем гнета даст свободный выход его могучим силам. Вот почему, рисуя мрачную русскую действительность, он одновременно провидел начало «иных времен, иных картин».

Он был уверен в том, что если «русской груди вздохнуть пошире, повольней» —

Покажет Русь, что есть в ней люди,
 Что есть грядущее у ней.

История русского народа убеждала Некрасова, что этот народ, не сломленный ни татарским игом, ни помещичьим гнетом, ни ужасами рекрутчины,

Вынесет всё — и широкою, ясную
 Грудью дорогу проложит себе.

Некрасову чужда всякая идеализация русского крестьянства. В его представлении наш народ — не «народ-богоносец», каким его изображали славянофилы и их эпигоны, и не «коммунист по инстинкту», каким хотели видеть его народники. Отношение Некрасова к русскому народу вполне реалистично, лишено всякого мистицизма и романтизма. Поэт слишком хорошо знал русского крестьянина и не чувствовал потребности идеализировать его. Но он трезво учитывал те могучие умственные и нравственные задатки, которые заложены в русском народе и которые широко разовьются, как только с этого народа будет снята цепь, сковывающая его.

Еще в 1848 г. Некрасов вкладывал в уста героя своего романа «Три страны света» Каютина такие слова о русском крестьянстве: «Я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно нашим юношам, после обычной «жажды дела» впал в апатию и сидит сложа руки, кого тревожат скептические мысли, безотрадные и безвыходные, тому советую я, подобно мне, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всяких людей, посмотреть всяких див... В столкновении с народом он увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве».

Вера в русский народ никогда не покидала Некрасова, и если в его поэзии иногда прорывались пессимистические нотки, то это вызывалось глубокой скорбью поэта при мысли о том, что освобождение народа еще не так близко, как ему хотелось бы, и что народу придется вынести еще не мало страданий, прежде чем он придет к счастливому, светлому будущему.

Вера в великое будущее русского народа особенно укрепилась в Некрасове в годы его совместной работы с Чернышевским и Добролюбовым. В общении с ними Некрасов окончательно уяснил себе, что для освобо-

ждения России от власти царя и помещиков возможен только один путь — путь народной революции. Чернышевский и Добролюбов питали твердую уверенность в неминувости революции в России, в ее близости и конечном торжестве. Исходя из этого, всю работу свою в «Современнике» они подчинили одной основной задаче — всемерно содействовать приближению общенародного восстания. Отводя народным массам решающую роль в революции, твердо уверенные в том, что освобождение народа может быть достигнуто только самим народом, они считали задачей революционно-демократической интеллигенции — способствовать скорейшему пробуждению народных масс и внести в народное движение ту сознательность и ту организованность, которых ему ранее недоставало.

Ход исторических событий убедил Некрасова в том, что вера Чернышевского и Добролюбова в народную революцию имеет под собою твердую почву. В шестидесятых годах Некрасов увидел, что русское крестьянство вовсе не так безнадежно апатично, терпеливо и покорно судьбе, как это порой представлялось ему ранее.

Известно, какими интенсивными повсеместными волнениями ответила деревня на объявление «воли», не удовлетворившей ее ожиданиям. Со всех концов России приходили сведения о волнениях крестьян и об их активных выступлениях против «обманной воли». Час, когда эти волнения перерастут во всеобщую крестьянскую революцию, казался близок. И если и на этот раз надежды друзей народа не оправдались, если дело ограничилось только разрозненными волнениями, волна которых с 1863 г. начала спадать, то все же с полной очевидностью выяснилось, что народ вовсе не примирился со своей участью, что ему уже невольно гнет, лежащий на нем, и что теперь он уже способен на активную борьбу против своих врагов.

Некрасов слишком хорошо знал русское крестьянство, чтобы поверить, будто спад волны открытых выступлений и бунтов во второй половине 60-х годов вызывался примирением крестьян со своей участью, их «успокоением». Он видел, что деревня от разрозненных восстаний, легко подавлявшихся правительством, переходит к новым формам отстаивания своих интересов — к упорной, повседневной, малозаметной, но весьма чувствительной для помещичьего класса борьбе на почве своих насущных нужд: к массовым потравам помещичьих лугов, поджогам их усадеб, вырубке их леса, упорному уклонению от выполнения обязанностей, возложенных на крестьян в пользу их бывших «господ». Крестьянское движение вступило в новый фазис, свидетельствующий о том, что злоба деревенского населения против его угнетателей и эксплуататоров не только не стихает, а, наоборот, распространяется, растет и крепнет. Все это поддерживало уверенность, что если не теперь, то в будущем народ, наконец, найдет в себе силу восстать на защиту своих интересов, что месть его врагам будет жестока и что, покончив с ними, он устроит жизнь по своему желанию, сообразно со своими потребностями.

Некрасов понимал, что если Чернышевский и ряд других борцов против бесправия и угнетения были сломлены в неравной борьбе, то гибель их отнюдь не была бесплодна, ибо, жертвуя собой, они подготавливали будущую победу народа. Мир устроен так, что

Даром ничто не дается; судьба
Жертв искупительных просит.

Некрасов преклонялся перед людьми, уходящими «в стан погибающих за великое дело любви», жертвующими собой на благо своей родины и своего народа. Он считал, что долг каждого честного человека, сознательно относящегося к своим обязанностям перед народом, — отречься

от личных интересов и посвятить все свои силы и все свои думы борьбе за свободу. Забвение своего долга перед родиной являлось в глазах Некрасова тяжелым преступлением:

Страшись их участь разделить —
 Богатых словом, делом бедных,
 И не иди во стан безвредных,
 Когда полезным можешь быть.
 Не может сын глядеть спокойно
 На горе матери родной,
 Не будет гражданин достойный
 К отчизне холоден душой.

Если борец за счастье народа и погибнет, его слава останется жить вечно:

Кто, служа великим целям века,
 Жизнь свою всецело отдает
 На борьбу за брата-человека,
 Только тот себя переживет.

С глубоким уважением относился Некрасов к зачинателям русского революционного движения — декабристам. Им посвятил он поэмы: «Дедушка» и «Декабристки» («Русские женщины»). Он преклонялся перед страданиями, выпавшими на их долю за попытку с оружием в руках восстать против царского деспотизма. В нарисованных им образах декабристов и их жен, добровольно порвавших со «светом» и ушедших в Сибирь за сосланными туда мужьями, можно найти ряд черт, характерных не для людей 1825 г., а для позднейших революционеров-демократов, современников поэта. Декабрист, нарисованный в поэме «Дедушка», выступает перед нами прежде всего как борец за крестьянские интересы, а изображенные Некрасовым жены декабристов наделены им таким решительным, боевым характером, который был им в действительности чужд. Перед нами, скорее, мужественные деятельницы революционного движения 60-х и 70-х годов, нежели светские дамы, следовавшие за сосланными мужьями гораздо более из любви к ним, нежели из идейных побуждений.

Декабристские поэмы Некрасова свидетельствуют о том, что поэту была ясна революционная традиция и преемственность, соединяющая дворянских революционеров 1825 г. с разночинной революционной демократией второй половины прошлого века. Борьба, которую вели революционеры-разночинцы, вдохновляла поэта, когда он творил «Дедушку» и «Декабристок».

Некрасов высоко ценил самоотверженность революционеров 60-х и 70-х годов, которые «отчизну покидая, шли умирать в пустынях снеговых». Про них поэт писал:

Пленительные образы! Едва ли
 В истории какой-нибудь страны
 Вы что-нибудь прекраснее встречали.
 Их имена забыться не должны.

Обращаясь к матери революционера, захваченного в плен врагами, Некрасов призывает ее не плакать об участи сына, а гордиться им и учить других подрастающих детей своих, что

Есть времена, есть целые века,
 В которые нет ничего желанней,
 Прекраснее тернового венка.

Преклоняясь перед современными ему революционерами, Некрасов в то же время был уверен, что не им выпадет на долю нанести смертельный удар царизму и освободить народ. Они только подготавливают револю-

цию, совершить же ее и добиться ее победы могут только сами народные массы, когда они повсеместно восстанут на защиту своих интересов.

В этом отношении Некрасов расходился с народниками, признававшими за революционной интеллигенцией решающую роль в борьбе за свободу. Некрасов трезво учитывал силы и возможности интеллигенции и не переоценивал их. Народническая теория «героев», своим вмешательством в ход исторических событий благодетельствующих «толпе», была совершенно чужда Некрасову. В этом отношении он являлся единомышленником Чернышевского и Добролюбова, ясно представлявших себе и историческую роль масс, и значение деятельности революционно настроенной интеллигенции.

Вслед за Чернышевским и Добролюбовым, Некрасов питал уверенность в неминучести всенародного восстания. В его стихотворениях 60-х и 70-х годов с исключительной силой начинает звучать призыв к народной революции:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Поэт убежден, что жертвы, принесенные русскому народу его лучшими сынами, не пропадут даром, что приближается время, когда народ восстанет с оружием в руках против своих угнетателей:

Каждой стране наступает
Рано иль поздно черёд
.....
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.

Однако для этого необходима большая подготовительная работа: надо воспитывать в народе сознание его интересов и решимость бороться за них, на что потребно не мало времени:

Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего.

В том, что революция рано или поздно произойдет в России, в том, что она увенчается победой, поэт не сомневается:

Еще народу русскому
Пределы не поставлены.
Пред ним широкий путь.

Оптимизм Некрасова и его вера в русский народ особенно ярко проявились в поэме «Кому на Руси жить хорошо». В ней поэт не только изобразил с неподражаемой силой страдания русского крестьянства, из которого высасывают кровь помещики, чиновники, попы и кулаки, но и с предельной, в цензурных условиях того времени, ясностью выразил свою веру в революционные силы народа.

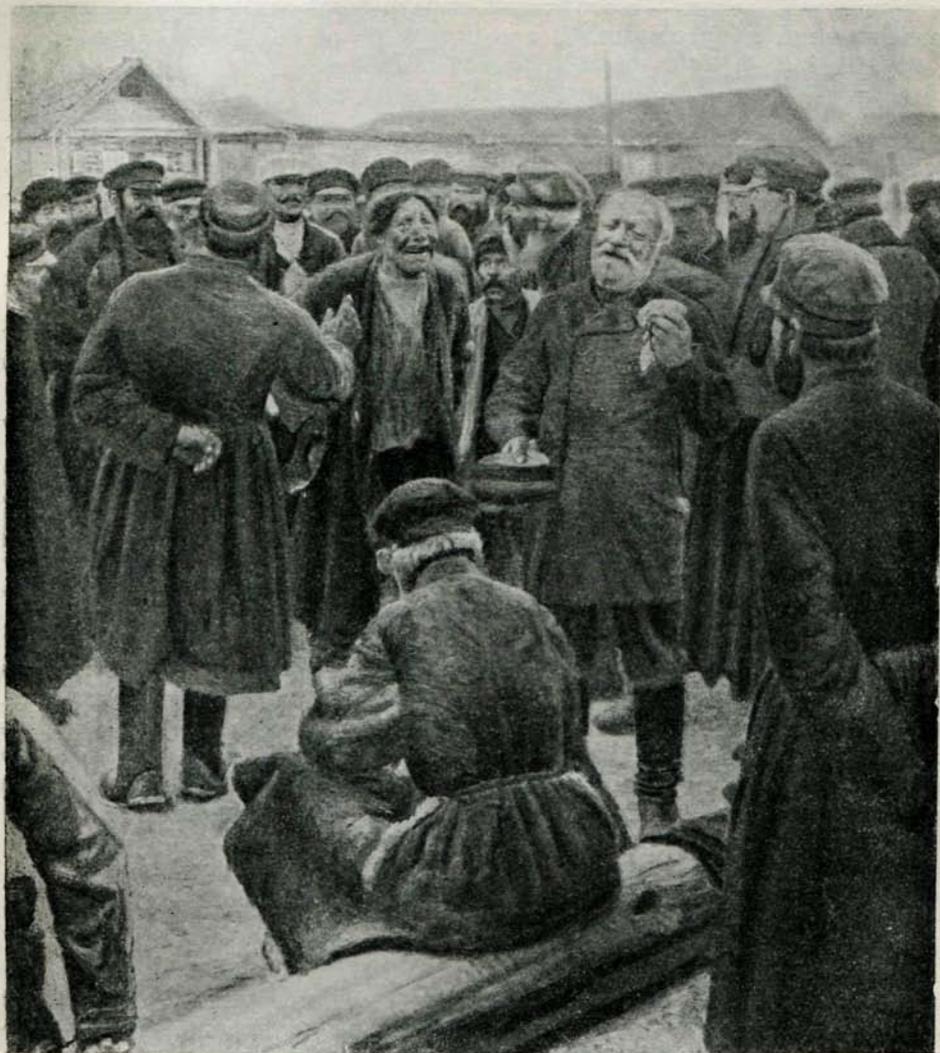
В этой поэме Некрасов говорит уже не о пассивности и бесконечном терпении русского народа, а о том, что

У русского крестьянина
Душа, что туча грозная.

Поэт окончательно убедился, что

Сила народная,
Сила могучая —
Совість спокойная,
Правда живучая.

Вместо подавленных нуждой и забытых людей Некрасов рисует теперь образы народных героев, посвящающих все свои силы борьбе за счастье народа. Некрасова радует то, что народ начал, наконец, выдвигать из своей среды активных и сознательных борцов.

НА МИРУ

Картина маслом С. А. Коровина, 1893 г.
Третьяковская галерея, Москва

Таков Гриша Добросклонов, который

. . . твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Таков же и Савелий, «богатырь святорусский», — живое воплощение революционной силы и воли того народа, который своим могучим «над-

дай!» сбросит с себя власть помещиков и царя. За отстаивание крестьянских интересов и за сопротивление помещикам и чиновникам Савелий был осужден на каторгу. Там он приобрел недостававшую ему ранее политическую сознательность; он вернулся в деревню с лютой ненавистью к притеснителям народа и с мечтой о народном восстании. Тайна силы и могущества Савелия — в его живой, неразрывной связи с крестьянством, с его мыслями и чувствами.

11

В сочинениях Некрасова мы не найдем развернутой картины социально-политических преобразований. Он не рисовал проектов будущего общественного устройства, воплощающего его идеалы социальной справедливости. Ему, как поэту, а не теоретику, будущее представлялось в художественных образах, а не в социологических схемах. Тем не менее, его произведения дают читателям ясное представление о том, в каких формах поэт мыслил «воплощение счастья народного».

Некрасов давал в своем творчестве мрачные картины современной ему социальной действительности, признаваемой им несправедливой и потому отрицаемой. Эти картины рисовали тяжелую жизнь не только деревни, но и города. Промышленный город с его фабриками и заводами представляется поэту чудовищем, калечащим и губящим людей:

Свечерело. В предместиях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом,—
Начинаются мрачные сцены.

Некрасов хорошо знал, до каких чудовищных размеров доходит на фабриках эксплуатация труда рабочих — как мужчин, так и женщин, как взрослых, так и детей. На малолетних, вынужденных судьбой идти на фабрики и заводы, он смотрел как на жертвы, приносимые современным человечеством неумолимому и жестокому богу — капиталу. Вид фабрики наводит поэта на мрачные мысли о том, что делается за ее стенами:

Всё сливается, стонет, гудёт,
Как-то глухо и грозно рокоchet.
Словно печи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.

(«Сумерки»)

Бедствия фабрично-заводских рабочих, труд которых в современной Некрасову России подвергался жестокой, ничем не сдерживаемой эксплуатации, служили в глазах поэта лишним доказательством насущной необходимости изменения социально-экономических условий русской жизни.

Превращение России из «страны бесправия, невежества и дичи», какой она была в его время, в страну свободы и высокой культуры поэт считал возможным только при помощи крестьянской революции. Пролетариата, как сложившегося революционного класса, Некрасов не видел. Революция создаст необходимые условия для свободного приложения разносторонних талантов русского народа, для широкого использования колоссальных естественных богатств, которыми природа наделила наше отечество.

В семидесятых годах, когда Некрасов издавал «Отечественные Записки», ему пришлось работать рука об руку с народниками, составлявшими преобладающую часть в кругу ближайших сотрудников его жур-

нала. С глубоким сочувствием поэт следил за попытками народнической интеллигенции сблизиться с народными массами, за их «хождением в народ», за упорной борьбой, которую они вели с царской полицией и жандармами. Однако это не значит, что Некрасов был их единомышленником. В его поэзии мы не найдем таких существенных элементов народничества, как преклонение перед русской общиной, которая якобы преграждает капитализму пути для проникновения в деревню и является зародышем, из которого разовьется социалистический строй, как вера в особые, отличные от Запада, пути социально-экономического развития России, как преувеличение значения интеллигенции в жизни народа. Мы уже говорили, какую роль отводил Некрасов народным массам, с одной стороны, и революционной интеллигенции, с другой, в грядущей русской

ВСТРЕЧА.— ПРИЕЗД ЖЕНЫ К ССЫЛЬНОМУ

Картина маслом В. А. Серова, 1898 г.

Третьяковская галерея, Москва

революции, и видели, насколько он в этом отношении расходился с народниками. Даже в годы сотрудничества с представителями народничества Некрасов продолжал оставаться на тех же позициях, на которых он стоял во время совместной работы с Чернышевским и Добролюбовым. Вот почему и в 70-е годы он являлся продолжателем их дела. Народнические иллюзии и утопии не повлияли на него и не отразились в его творчестве.

В произведениях Некрасова мы не находим картины будущего социалистического общества, подобной той, которую нарисовал Чернышевский в четвертом сне героини «Что делать?». Однако вся поэзия Некрасова пронизана отвращением и ужасом, внушаемыми ему различными формами капиталистической эксплуатации труда и экономическим неравенством между людьми. Его гнев направлен против самых основ не только феодально-крепостнического, но и буржуазного общества.

Поэт мечтал о том, чтобы довольство и свобода стали уделом всех трудящихся, всего народа; он не мог не понимать, что эти его мечты неосу-

ществимы при делении общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Поэт воспевал «бодрый труд», прекрасно зная, что труд может быть бодрым только при том условии, чтобы его плоды оставались в руках самого производителя, а не присваивались бы дармоедами и туеядцами.

В течение ряда лет, из одной книжки «Современника» в другую, Чернышевский и другие сотрудники этого журнала вскрывали те бедственные последствия, которые влечет не только для трудящихся масс, но и для общества в целом, цивилизация, основанная на принципе индивидуальной собственности, из книжки в книжку они доказывали русскому обществу преимущества коллективной организации труда. Некрасов, еще в молодые годы ознакомившийся с идеями утопического социализма и отразивший их в своей поэзии, не мог не понимать глубокого смысла пропаганды, которую под руководством Чернышевского ведет его журнал; он не мог не сочувствовать ей. Лучшим и наиболее убедительным свидетельством этому может служить все содержание его поэзии. Если в его произведениях и нет картин, изображающих социалистическое общество, то социалистическая устремленность его творчества несомненна.

12

В 1858 г. в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Н. А. Добролюбов высказал сожаление о том, что в России до сих пор «нет партии народа в литературе»³⁹. Однако как раз в то время начала складываться группа писателей, которую мы по праву можем признать зародышем «партии народа». Идейними руководителями ее являлись Чернышевский и Добролюбов, а поэтом — Некрасов. Добролюбов сам, конечно, понимал это и смотрел на Некрасова именно как на замечательного поэта, отразившего в своем творчестве мысли и чаяния народа, — поэта, устами которого говорил сам народ. Недаром в 1860 г. в рецензии на стихотворения Д. Минаева Добролюбов, имея в виду Некрасова, указал, как на «совершившийся факт», на появление у нас поэта, который «умел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчетные порывы Кольцова и вложить в свою поэзию положительные начала, жизненный идеал, которого недоставало Лермонтову»⁴⁰.

В поэзии Некрасова высокое художественное мастерство соединялось с передовым для его времени мировоззрением. Поэтическое творчество являлось для Некрасова общественным служением. «Пока народы влачатся в нищете, покорствуя бичам», истинный поэт, по убеждению Некрасова, должен всецело включиться в борьбу за их освобождение. Некрасов знал, что только тот поэт, который, «служба великим целям века», отдает свой талант и жизнь «на борьбу за брата-человека», переживет себя и заслужит себе благодарную память потомства.

Поэзия Некрасова теснейшим образом связана с революционным движением его времени. Звуки его музыки находили себе отчетливый отклик в чувствах и мыслях людей, любивших русский народ и страдавших за его печальную участь. Так было при жизни поэта, так было и после его смерти.

Не только в интеллигентских кружках, но и в рабочих каморках, в которых воспитывались и развивались будущие борцы революционной армии пролетариата, поэзия Некрасова будила мысль и пробуждала то двуединое чувство любви и ненависти, которое поддерживало в людях мужество, воспитывало в них волю к борьбе и двигало на самопожертвование и подвиги.

Н. К. Крупская в 1921 г., в связи со столетием со дня рождения Некрасова, имела полное основание написать о нем следующие весьма знаменательные строки: «Как ни далеко от нас некрасовское время, известные

духовные узы связывают нас с Некрасовым... Это наш поэт, хотя и отделяют нас от него три революции, не оставившие камня на камне от старых порядков»⁴¹.

Некрасов был одним из любимейших поэтов Ленина.

С собранием его стихотворений Ленин не расставался ни в ссылке, ни в эмиграции. По свидетельству Н. К. Крупской, он «чуть ли не наизусть выучил» эти стихотворения⁴².

Вождь русского пролетариата ценил Некрасова как поэта, верно служившего родному народу и ненавидевшего его врагов. «...Некрасов и Салтыков,— писал Ленин в статье «Памяти графа Гейдена»,— учили русское общество различать, под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика, его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушные подобных типов...»⁴³.

Некрасов никогда не увлекался «красивыми», пустыми словами о «чистом искусстве», стоящем выше будничных и мелочных житейских интересов. Он сознавал, что только связь с народом придает искусству смысл и ценность. Вслед за Чернышевским и Добролюбовым, он рассматривал литературу как оружие, которое должно быть употреблено на осуществление великого дела освобождения народа. Литература призвана учить людей правильно расценивать нужды общества, формировать общественное сознание, воспитывать волю к борьбе за лучшее будущее народных масс. Только та литература, которая стоит на высоте этих задач, является не пустой забавой, а серьезным делом, имеющим историческое значение. «Я лиру посвятил народу моему»,— писал о себе Некрасов. И именно в этом — громадная, неувядаемая заслуга великого поэта перед русским народом, который навсегда сохранит благодарную память о своем певце, не дожившем до победы революции на его родине. Но своими замечательными песнями подготавливавшим ее торжество.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. П. Григорьев, Стихотворения Н. А. Некрасова.—«Время» 1862, №№ 7, 17.

² «Литературная летопись».—«Отечественные Записки» 1863, №№ 9, 4.— Подчеркнуто автором.

³ Г. Плеханов, Похороны Н. А. Некрасова.—«Литературное наследие Г. В. Плеханова», М., 1938, сб. VI, 236.

⁴ Г. Плеханов, Сочинения, X, 389

⁵ Н. Морозов, Повести моей жизни, М., 1933, II, 184—185.

⁶ М. Лемке, Николаевские жандармы и литература. 1826—1855 гг., изд. 2-е, СПб., 1909, 186.

⁷ Н. Добролюбов, Полное собрание сочинений, под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., 1939, VI, 487.

⁸ В. Ленин, Сочинения, IV, 126.

⁹ О роли, которую играл «Современник» в формировании революционных убеждений молодых революционеров, можно судить хотя бы по признанию, сделанному во время следствия по каракозовскому делу одним из участников его, Шагановым. «Я благоговел перед государем, до освобождения крестьян,— рассказывал Шаганов,— я тогда плакал от радости этому, но скоро стали говорить и писать, что и эта реформа ничего не стоит. «Современник» прямо проводил эту мысль, что не ждите от правительства ничего хорошего, ибо оно не в состоянии дать этого; хорошее можно взять только самому народу. Эти журналы, как «Современник» и «Русское Слово», стали какими-то евангелиями молодежи, а в этих журналах прямо говорилось, что без экономического переворота нет спасения миру и что всякий честный человек должен стараться об участии своего народа».— В. Евгеньев, Дело Каракозова и редакции «Современника».— «Заветы» 1914, № 6, 88.

¹⁰ «Виды на entente cordiale с «Современником».—«Русский Вестник» 1861, № 7.

¹¹ М. Лемке, Политические процессы в России 1860-х годов, М.—П., 1923, 388.

¹² О. Аптекман, Общество «Земля и Воля» 70-х гг., П., 1924, 34.

¹³ В. Ленин, Соч., XVI, 132—133.— Выделено нами.

¹⁴ Там же, XV, 466, 468.

¹⁵ Г. Плеханов, Соч., изд. 2-е, М.—Л., 1925, X, 392—393.

¹⁶ И. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1892, 37.

- ¹⁷ «Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.», П., 1922, 148.
- ¹⁸ Е. Колбасин, Тени старого «Современника». — «Современник» 1911, № 8, 239.
- ¹⁹ «Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, 487.
- ²⁰ А. Дружинин, Собрание сочинений, СПб., 1865, VII, 293—294.
- ²¹ Характерно, что эти строки Некрасова процитировал известный народоволец А. Д. Михайлов в показаниях, данных им во время следствия. — А. Прибылев и К. Орба и В. Фигнер, Народоволец А. Д. Михайлов, Л.—М., 1925, 157.
- ²² «Голос Минувшего» 1916, № 9, 177.
- ²³ «Книга и Революция» 1921, № 2, 39—40.
- ²⁴ «Из Петербурга». — «Колокол» 1857, № 2.
- ²⁵ Н. Некрасов, Сочинения, М.—Л., 1930, V, 291.
- ²⁶ А. Фет, Мои воспоминания, II, 24.
- ²⁷ В. Белинский, Письма, СПб., 1914, III, 300.
- ²⁸ Н. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М., 1939, XI, 311.
- ²⁹ Н. Некрасов, Соч., цит. изд., V, 252.
- ³⁰ «Заметки о журналах», — «Современник» 1855, № 10, 169—170. — Эта статья без подписи; авторство Некрасова устанавливается его собственным указанием в письме к Боткину; см.: Н. Некрасов, Соч., цит. изд., V, 228.
- ³¹ Н. Некрасов, Соч., цит. изд., V, 273.
- ³² Н. Чернышевский, Полное собрание сочинений. СПб., 1906, I, 111—112.
- ³³ Н. Чернышевский, Литературное наследие, М.—Л., 1928, II, 340—343.
- ³⁴ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, I, 354.
- ³⁵ «Книга и Революция» 1921, № 2, 72.
- ³⁶ Авдотья Панаева. Воспоминания, Л., 1927, 385.
- ³⁷ В. Ленин, Сочинения, XV, 143.
- ³⁸ Н. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М., 1939, I, 747.
- ³⁹ Н. Добролюбов, Полное собрание сочинений, М., 1934, I, 211.
- ⁴⁰ Там же, М., 1935, II, 594.
- ⁴¹ Н. Крупская, Памяти Некрасова. — «Информационный бюллетень МОНО», 1921, № 2, 2—3.
- ⁴² Письмо Н. К. Крупской к М. И. Ульяновой от 26 (13) декабря 1913 г. — См.: В. Ленин, Письма к родным, 1894—1919, М.—Л., 1934, 396.
- ⁴³ В. Ленин, Сочинения, XII, 9.